

УДК 316

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-108-117

Спор о новой исторической стадии: марксизм и концепция постиндустриального общества

О. К. Трубицын

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Марксизм и теория постиндустриального общества – два конкурирующих, но во многом сходных подхода к интерпретации социального развития. Появление гипотезы о переходе на новую, постиндустриальную стадию истории стало вызовом для марксистских теоретиков. Они ответили рядом аргументов, более или менее обоснованных, пытаясь опровергнуть основные положения конкурирующей теории. К настоящему моменту спор еще не окончен. Однако стало ясно, что ключевые положения обеих подходов нуждаются в дополнительном обосновании.

Ключевые слова

постмодерн, постиндустриальное общество, посткапиталистическое общество, капитализм, классы, идеология.

Для цитирования

Трубицын О. К. Спор о новой исторической стадии: марксизм и концепция постиндустриального общества // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 108–117. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-108-117

The Debate on the New Historical Stage: Marxism and the Concept of Post-Industrial Society

O. K. Trubitsyn

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Marxism and the theory of post-industrial society are two competing but largely similar approaches to the interpretation of social development. The emergence of the hypothesis of the transition to a new, post-industrial stage of history was a challenge for Marxist theorists. They responded with a series of arguments, more or less valid, attempting to refute the main tenets of the competing theory. By now, the dis-

© О. К. Трубицын, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 2

pute is not over. However, it became clear that the key points of both approaches needed further justification.

Keywords

postmodern, post-industrial society, post-capitalist society, capitalism, classes, ideology.

For citation

Trubitsyn O. K. The Debate on the New Historical Stage: Marxism and the Concept of Post-Industrial Society. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 108–117. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-108-117

Марксизм и концепция постиндустриального общества (или концепция стадий технологического развития) – два популярных и весьма представительных подхода в современном обществоведении. Они обладают своими достоинствами и недостатками в плане способности давать убедительные интерпретации происходящих в современном мире процессов. Это обеспечивает обоим подходам наличие устойчивых групп сторонников, но не позволяет одержать окончательную победу в споре. Принципиальность спора связана с тем, что они во много конкурируют на одном и том же поле: они оба являются прогрессистскими и универсалистскими, отстаивая линейно-стадиальное видение единой истории человечества. Отсюда возникает вопрос, как соотносятся стадии в рамках одной модели со стадиями в рамках другой; в частности, каков статус новой, постиндустриальной стадии истории, декларируемой концепцией постиндустриального общества, в марксистской модели? В данной статье предпринимается попытка непредвзято взглянуть на спор сторонников двух этих парадигм, конкретно говоря, рассмотреть аргументы марксистских критиков концепции постиндустриального общества.

Сначала стоит кратко оговорить соотношение терминов «постиндустриализм», «посткапитализм», «общество знаний», «сервисное общество» и «информационное общество». Эти концепции по-разному соотносятся у разных авторов – сторонников парадигмы стадий технологического развития. Они могут рассматриваться как синонимы, могут соотноситься как общее и частное (концепция информационного общества – разновидность концепции постиндустриального общества или наоборот), либо же они могут считаться разными фазами новой исторической стадии, следующей за модерном. Если не углубляться в тонкости специфики подходов разных исследователей, то можно принять следующую версию. Стадия модерна, которая с точки зрения сторонников данного подхода сейчас завершается или уже завершилась и которая характеризовалась такими основными характеристиками как индустриализм и капитализм, сменяется некой новой стадией исторического развития. Эта стадия характеризуется отрицанием ключевых характеристик общества модерна, т. е. новое общество в негативном плане является постиндустриальным и посткапиталистическим. В позитивном плане это новое общество характе-

ризуется как информационное, сервисное и как общество знаний. Для простоты будем считать, вслед за большинством авторов, что концепция постиндустриального общества – это общая схема, в рамках которой существуют прочие, более специфические варианты подхода, делающие упор на какую-то определенную черту этого нового общества. Так, Д. Белл [1999], описывая определенные стороны постиндустриального общества, именует его информационным, сервисным, а также обществом знания.

Когда теория постиндустриализма еще только формировалась, советские исследователи отреагировали на ее появление достаточно оперативно и по большей части негативно. В качестве примера рассмотрим здесь аргументы, приводимые Г. И. Иконниковой [1975], которая подвергает критике как методологические, так и идеологические основания теории постиндустриализма.

Сторонники постиндустриализма представляют свою позицию как полностью свободную от идеологической ангажированности, что обосновывается не просто субъективной позицией, а объективным требованием наступающей эпохи, в которой идеология в принципе отмирает. «Согласно Беллу, "деидеологизация" – необходимый элемент "постиндустриального общества". Бжезинский в качестве одного из признаков "постиндустриального общества" называет "конец идеологии"» [Там же. С. 49]. С точки зрения Г. Иконниковой это явное лукавство: идеология не отмирает, а попытка укрыть идеологический характер теории постиндустриализма за мнимой объективностью – это собственно и есть один из пропагандистских приемов идеологической борьбы. Как представляется, отчасти она права. На практике мы не видим обещаемого «конца идеологии», напротив, в последнее время происходит поляризация политического спектра и обострение борьбы. Постиндустриальная теория, как и любая иная социальная теория, сохраняет определенную связь с идеологией. Тем не менее, отказывать ей в научности на этом основании представляется необоснованным. В ином случае подобного же рода аргумент может быть использован в отношении самого марксизма, который, очевидно, является предельно идеологически ангажированным, что не отменяет его научного статуса и ценности. Так что без подробного разбора аргументов просто объявить теорию постиндустриального общества «очередным мифом буржуазной идеологии», как это делает Г. Иконникова – это не научный, а догматический подход.

Предлагаемая Г. Иконниковой критика методологических оснований теории постиндустриального общества также представляется отчасти справедливой, но чрезмерной. По ее обоснованному мнению, «методологической основой теории "постиндустриального общества" является позитивизм, эклектически сочетающийся с "технологическим детерминизмом" и буржуазной философией истории» [Там же, 1975. С. 165–166]. Это действительно достаточно специфическая пара-

дигма, справедливо критикуемая за редуccionистскую методологию и недостаточную обоснованность выводов. Можно согласиться с ней, что присутствующий в данной теории технологический детерминизм не позволяет учитывать влияние фактора сложившейся социальной структуры и классовых интересов на развитие общества. Однако представляется слишком категорическим вывод, который Г. Иконникова из этого делает, что «вся методология теории "постиндустриального общества" свидетельствует об антинаучном характере данной теории» [Иконникова, 1975. С. 166]. Технологический детерминизм, при всей своей ограниченности, указывает на фундаментальное значение смены технико-экономического базиса общества, в частности на роль промышленной революции, определившей облик современного мира. Так что нет оснований априорно отрицать *потенциальную* способность *гипотетического* постиндустриального уклада качественно изменить общество каким-то еще образом. Вопрос, скорее, в том, произошло ли это уже на самом деле, как утверждают сторонники теории постиндустриализма.

Также Г. Иконникова подвергает критике факты и их интерпретации, приводимые сторонниками постиндустриальной теории. В первую очередь подвергается сомнению концепция сервисного общества, выступающая составным элементом большинства вариантов теории постиндустриального общества. По мнению советского исследователя, постиндустриалисты преувеличивают значение имеющейся тенденции роста сферы услуг, абсолютизируя некоторые ее моменты. Заявляемый ими взрывной рост сферы услуг во многом является отражением не реальных изменений, а принятия новой методологии американскими статистическими ведомствами. Официальная статистика США дает классификацию ряда отраслей производства, положив в ее основу односторонний и поверхностный принцип деления на вещную и невещную формы продуктов труда. «При научной классификации отраслей и правильной их группировке соотношение сферы услуг и материально-вещественного производства свидетельствует, что никакого переворота в структуре общественного хозяйства США не произошло, хотя некоторые сдвиги и есть» [Там же. С. 76]. Это достаточно сильный аргумент. Действительно, неоправданно относить к третичному (постиндустриальному) сектору, скажем, услуги производству, такие как транспорт, перевозящий сырье и полуфабрикаты, используемые в промышленном производстве. Также значительное статистическое перемещение части работников из вторичного в третичный сектор произошло в связи с развитием аутсорсинга: те же самые бухгалтера, обслуживающие фабрику, уйдя на аутсорсинг, начинают рассматриваться статистикой как часть сферы услуг, хотя до этого, работая в бухгалтерском отделе предприятия, они считались представителями вторичного сектора. Все это делает оценки различия между ситуациями начала и конца XX века чрезмерно завышенными. Как указывает современный ис-

следователь Ф. Уэбстер, «преобладание третичного сектора уже в странах третьего мира, которое сейчас считается свидетельством неблагополучия в экономике, доказывает, что для развития сферы услуг нет необходимости в индустриальной базе, кроме того... мало что свидетельствует в пользу представления о том, что развитые общества переходят от ситуации наибольшей занятости в промышленности к ситуации наибольшей занятости в секторе услуг. Самая разительная перемена произошла в связи с переходом рабочей силы в сферу услуг не из промышленности, а из сельского хозяйства» [Уэбстер, 2004. С. 64].

Еще один факт, на который опирается теория постиндустриализма, ставится под сомнение марксистскими социологами – утверждение о депролетаризации рабочей силы. Так, с точки зрения Г. Иконниковой, «авторы теории постиндустриального общества игнорируют основной критерий классовой принадлежности – отношение к средствам производства» [1975. С. 103]. Поэтому они относят к числу представителей креативного класса как эксплуатируемых наемных работников, так и собственников-эксплуататоров. С точки зрения Г. Иконниковой, НТР способствует интеллектуализации рабочего класса, при этом, вопреки мнению постиндустриалистов, «растет удельный вес и абсолютная численность пролетариата» [Там же. С. 102].

Этот аргумент широко используют и современные марксисты. Как указывает А. В. Бузгалин, среди современных марксистов популярно отрицание фундаментальности изменений, по сравнению с эпохой классического индустриализма. Критика подобного рода строится на том, что «масштабы распространения и, главное, роль процессов развития нового качества социума сильно преувеличены. Бум информационных технологий, резкое возрастание роли элиты профессионалов в жизни общества и т. п. характерны лишь для "золотого миллиарда", но даже там радикальных качественных изменений в природе рыночной буржуазной экономики, гражданского общества и homo economicus не происходит и потому основные постулаты прежней экономической, социальной, политической и т. д. теории остаются актуальными» [Бузгалин, 2002. С. 27].

В первую очередь многие марксисты склонны отрицать реальность процесса размывания классовой структуры и депролетаризации. В качестве примера можно привести утверждение А. Каллиникоса о том, что «вера в то, что классу пришел конец, всегда была ложной, а сейчас она окончательно похоронена. С одной стороны, как правило, признается, что богатство и власть все больше и больше концентрируются наверху глобальной социально-политической иерархии. С другой стороны, процессы пролетаризации... продолжают в мировом масштабе» [Каллиникос, 2005. С. 107]. Как представляется, данная критика отчасти верна, когда указывает на факты роста социальной поляризации в мире в целом и в отдельных

странах, в частности США, а также роста доли наемных работников. Однако классическая модель промышленного пролетариата как численно доминирующего класса в наиболее развитых странах более не соответствует действительности. В США, как и утверждают постиндустриалисты, основную часть рабочей силы сейчас составляют наемные сервисные работники. Так что нужно либо признать факт депролетаризации США, либо расширить понятие пролетариата на широкие группы наемных работников, совершенно лишенных классового пролетарского самосознания и нередко вполне обеспеченных. А. Каллиникос находит выход в признании факта глобализации, ведущей к росту числа пролетариев в мире, но не в развитых странах. С точки зрения классической марксистской теории – это арьергардные бои, когда границы данной теории размываются, включая в себя постулаты миросистемного подхода о том, что единицей анализа должны быть не отдельные общества, а мир в целом. С точки зрения классического марксизма стоило бы согласиться с постиндустриальной теорией в том, что постиндустриальными гипотетически могут быть отдельные передовые страны, одновременно с пролетаризацией новых индустриальных стран, находящихся на более низкой ступени развития.

А. Бузгалин указывает на еще один вариант реакции марксистов на приводимые постиндустриалистами аргументы – их идеологическая критика. Такая критика присутствовала у марксистов изначально, что видно по работе Г. Иконниковой; она продолжается и сейчас. Например, Г. Шиллер (см.: [Уэбстер, 2004. С. 182]) признает влияние информации на общественное развитие и рост этого влияния в XX веке, но утверждает, что коммуникации и информация являются составляющими капиталистической формации как таковой. С его точки зрения, сегодня информационная среда устроена так, как это максимально соответствует интересам корпоративного капитала, более того, информационно-коммуникационная революция становится фактором упрочения международной капиталистической системы. Подобные соображения подводят А. Бузгалина к тому, чтобы «подвергнуть критике не только теорию, но и практику протекания постиндустриальных процессов» [Бузгалин, 2002. С. 28]. Из этого следует его идеалистический, по сути, тезис о том, что если практика не соответствует нашей теории (нашим идеалам), то тем хуже для практики. Фактически это есть признание правоты теории постиндустриального общества – не в плане идеологических выводов, но в плане констатации факта: индустриального общества больше нет и связанные с ним теоретические модели более не адекватны.

Однако это не значит, что современные марксисты полностью капитулировали перед доводами теории постиндустриализма. Ключевой параметр марксистской интерпретации современной стадии общественного развития – это капитализм,

а не индустриализм. И здесь марксисты, продолжая настаивать на капиталистическом характере современного общества, противоречат большинству постиндустриалистов, для которых постиндустриальное общество автоматически преодолевает проблемы капитализма, основываясь на новых, посткапиталистических институтах.

Это утверждение строится прежде всего на изменении социально-классовой структуры. При этом постиндустриалисты апеллируют к положениям марксизма. К. Маркс назвал современное общество «буржуазным», именуя его, как и прочие формации, по господствующему классу наиболее эффективных собственников. Иначе говоря, капитализм как формация определяется с социологической точки зрения как общество, формируемое двумя основными классами – буржуазией в качестве господствующего класса и пролетариатом в качестве подчиненного, эксплуатируемого и потенциально революционного класса. Теория постиндустриального общества заявляет о депролетаризации рабочей силы и об изменении состава элитных слоев. Последнее подразумевает, что на смену господству крупной буржуазии приходит доминирование в обществе интеллигенции – корпоративных менеджеров, инженеров, государственных служащих и т. п. Например, Д. Белл утверждает, что в наши дни (речь идет о начале 1970-х гг.) происходит «важнейший исторический сдвиг – отделение общественной функции (или места человека в обществе, обычно задаваемого характером его занятий) от собственности» [Белл, 1999. С. 498]. Это связано с тем, что «сейчас Америка движется от общества, основанного на частнопредпринимательской рыночной системе, в направлении, где наиболее важные экономические решения будут приниматься на политическом уровне...» [Там же. С. 403]. При этом «основной класс в нарождающемся социуме – это прежде всего класс профессионалов, владеющий знаниями, а не собственностью» [Там же. С. 500]. Этот новый доминирующий класс вытесняет буржуазию в качестве господствующей элиты и организатора производства и в то же самое время пролетариат в качестве основного производителя благ, преодолевая тем самым классовый конфликт.

Марксисты указывают, что данные аргументы появились еще в довоенный период в работах Дж. Бернхэма и других теоретиков «менеджеризма», когда утверждалось, что развитие акционерного капитала означает ликвидацию частной собственности на основные средства производства. И. Н. Дворкин еще в 1959 г. указывал, что акционирование и отделение функции управления от собственности не противоречит основам капиталистической организации хозяйства [Дворкин, 1959. С. 366–370]. В наши дни А. А. Хамидов, оценивая тезис П. Друкера о том, что современное общество еще преждевременно рассматривать как общество знания, но оно определено является посткапиталистическим, заявляет, что «это громад-

нейшая иллюзия. То общество, о котором он пишет, начиная с промышленной революции и по сие время, является не чем иным, как капиталистическим обществом» [Хамидов, 2017. С. 46]. Действительно, можно согласиться с постиндустриалистами, что состав правящей элиты расширился путем кооптации некоторых слоев профессионалов и интеллигенции, но это не устранило господствующую роль крупных частных собственников и не ликвидировало капитализм как систему. Нельзя приравнять менеджеров среднего звена к топ-менеджменту и миноритарных акционеров к держателям контрольного пакета.

Можно заметить существенную разницу в оценке теории постиндустриального общества между советскими и современными марксистами. Советский марксизм решительно отвергал адекватность данной теории, квалифицируя ее как «антинаучный буржуазный миф». Современные оценки стали куда сдержаннее, и чаще всего признается частичная правота ее сторонников. По крайней мере, частью современных марксистов признается факт формирования постиндустриального общества, но отрицается при этом бесклассовый и посткапиталистический характер этого общества. Так, А. В. Бузгалин признает, по сути, факт качественной трансформации общества от индустриального к постиндустриальному, подвергая критике не столько постиндустриальную теорию, сколько практику. Отвергается уже не переход к постиндустриализму сам по себе, а утверждение, что это автоматически означает переход к посткапитализму. С марксистской точки зрения постиндустриальное общество по-прежнему остается капиталистическим, сохраняя все присущие ему пороки. При этом утверждается, что развитие новых, информационных производительных сил вступает в обостряющееся противоречие со старыми, капиталистическими производственными отношениями. Как утверждает А. В. Бузгалин, «господствующая ныне модель постиндустриального развития, использующая высвобожденные высокими технологиями ресурсы для разбухания превратного сектора, генерирует собственные пределы, обостряя глобальные проблемы... отчуждая большинство от возможности участия в сотворчестве (и тем самым лишая себя ключевых ресурсов прогресса постиндустриального мира) и создавая (в лице материально и культурно деградирующего большинства) предел собственного развития» [Бузгалин, 2002. С. 33].

Подводя итог, можно сказать, что данный продолжительный спор между сторонниками марксизма и постиндустриализма не окончился пока решительной победой ни одной из сторон. Большинство марксистов было вынуждено признать существенность тех социальных изменений, которые произошли в современном обществе по сравнению с эпохой классического индустриального капитализма. Однако у них сформировался свой набор достаточно убедительных аргументов, указывающих на то, что постиндустриалисты преувеличивают фундаментальность

этих изменений. В частности, вполне убедительно отвергнуты претензии на переход к посткапитализму. Те современные марксисты, которые по-прежнему отрицают факт качественного перехода к новому, постиндустриальному уровню развития производительных сил, вынуждены вносить изменения уже не в защитный пояс, а в твердое ядро марксистской теории. Так, отрицание факта депролетаризации строится на миросистемной методологической предпосылке, когда единицей социального развития и научного анализа выступает не национальное общество, а мир-система в целом.

Список литературы / References

- Белл Д.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 956 с.
- Bell D.** Gryadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya [The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting]. Moscow, Academia, 1999. (in Russ.)
- Бузгалин А. В.** «Постиндустриальное общество» – тупиковая ветвь социального развития? // Вопр. филос. 2002. № 5. С. 26–43.
- Buzgalin A. V.** "Postindustrial'noe obshhestvo" – tupikovaya vetv' social'nogo razvitiya? ["Post-industrial society" – a dead end branch of social development?]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2002, no. 5, p. 26–43. (in Russ.)
- Дворкин И. Н.** Критика экономических теорий правых социалистов. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1959. 467 с.
- Dvorkin I. N.** Kritika ekonomicheskikh teorij pravyykh socialistov [Criticism of the economic theories of right-wing socialists] Moscow, 1959. (in Russ.)
- Иконникова Г. И.** Теория «постиндустриального общества». Будущее человечества и его буржуазные толкователи (Критический анализ). М.: Мысль, 1975. 221 с.
- Ikonnikova G. I.** Teoriya "postindustrial'nogo obshchestva". Budushchee chelovechestva i ego burzhuaznye tolkovateli (Kriticheskij analiz) [The theory of "post-industrial society". The future of humanity and its bourgeois interpreters (Critical analysis)]. Moscow, Mysl', 1975. (in Russ.)
- Каллиникос А.** Антикапиталистический манифест. М.: Праксис, 2005. 192 с.
- Kallinikos A.** Antikapitalisticheskij manifest [Anti-capitalist Manifesto]. Moscow, Praksis, 2005. (in Russ.)
- Уэбстер Ф.** Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
- Webster F.** Teorii informacionnogo obshchestva [Theories of the information society]. Moscow, Aspekt Press, 2004. (in Russ.)

Хамидов А. А. Общество знания как проблема социальной философии // *Вопр. филос.* 2017. № 3. С. 43–53.

Khamidov A. A. Obshhestvo znaniya kak problema sotsial'noj filosofii [Society of knowledge as a problem of social philosophy]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2017, no. 3, p. 43–53. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

16.01.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Трубицын Олег Константинович

кандидат философских наук

доцент кафедры философии Новосибирского государственного университета

(Новосибирск, Россия)

Oleg K. Trubitsyn

Candidate of Science (Philosophy)

Docent at the Chair of Philosophy, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

trubitsyn77@mail.ru